

ДИСКУССИЯ О ГУМАНИЗМЕ: Ж.П. САРТР и М. ХАЙДЕГГЕР

С.В. Иванова

Достаточно длительное обращение к теме гуманизма, его влиянию на образование в разных странах и на различных стадиях развития общества привело меня к пониманию недостаточности прикладного рассмотрения понятия «гуманизм» только относительно проблем образования. Стало очевидно, что невозможно глубокое проникновение в тему гуманизации образования без обращения к концептуальным основаниям проблем гуманизма.

Иными словами, понимание особенностей бытия гуманистических идей в современности требует обращения к этим идеям в истории их формирования и к последующей их интерпретации в культуре. В данной статье рассматриваются проблемы гуманизма в контексте спора между Ж.П. Сартром и М. Хайдеггером. Мне представляется, что реконструкция этого, фактически незавершенного, спора между двумя крупнейшими мыслителями XX века чрезвычайно важна для понимания современных дискуссий о проблемах гуманизма.

Обсуждение философских проблем гуманизма в XX веке становится особенно актуальным после окончания Второй мировой войны. В числе наиболее значимых работ в этой области следует выделить работу Хайдеггера «Письмо о гуманизме». Вопрос о том, был ли сам Хайдеггер гуманистом – это самостоятельный дискуссионный историко-философский вопрос. В то же время – это вопрос личной биографии Хайдеггера. Вне зависимости от оценки

Хайдеггера с гуманистической точки зрения (его отношение к нацизму, как известно, было далеко не однозначным), мы можем сказать, что в любом случае он был «талантливейшим философом, одним из оригинальнейших классиков философии XX в.» [1]. Столь же несомненным является и тот факт, что, по общему признанию разных представителей философии XX века, его «Письмо о гуманизме» является одной из его лучших работ, оказавшей серьезное влияние на всю философскую мысль ушедшего века и, конечно же, на споры по проблемам гуманизма в целом.

Эта работа была написана Хайдеггером в 1946 г. (опубликована в 1947 г.). Ее название связано с тем, что стимулом к написанию этого текста, его основой стало действительно письмо, точнее ответ Хайдеггера на письмо французского философа Жана Бофре. В свою очередь, вопросы Бофре были детерминированы размышлениями Ж.П. Сартра, представленными в его брошюре «Экзистенциализм – это гуманизм», которая тоже была опубликована в 1946 г. Итак, заочная дискуссия между Сартром и Хайдеггером развернулась сразу же после окончания одной из самых разрушительных войн XX века. Это совершенно неслучайно, и во взаимосвязи с данной тенденцией в философии важно рассмотреть парадигмальные изменения в образовании, в подходах к организации учебного процесса и ценностным установкам в воспитании.

Мне представляется важным подчеркнуть, что в основу первого дискус-

сионного текста, опубликованного в виде брошюры, был положен текст университетской лекции Сартра. С одной стороны, в этой лекции он излагает свои основные философские идеи, последовательно представленные в его трактате «Бытие и ничто». С другой стороны, лекционный текст – это особый текст. Так, дидактические принципы организации лекционного материала требуют, в частности, последовательной организации материала, чтобы сделать его доступным и запоминающимся для слушателей. В данной лекции Сартр предлагает своим слушателям, во-первых, классификацию видов экзистенциализма, а в этом контексте, во-вторых – свое понимание взаимоотношений между гуманизмом и экзистенциализмом. Одной из важнейших фигур классификации Сартра становится Хайдеггер. Именно этот факт и является внешним поводом для последующего обращения французского философа Жана Бофре к Хайдеггеру с вопросами о гуманизме. Позиция Хайдеггера по этому вопросу будет рассмотрена ниже.

68

Основную задачу своей работы Сартр видит в том, чтобы защитить экзистенциализм от несправедливой, как он считает, критики. В связи с этим он предлагает своим слушателям, а затем читателям брошюры следующую аргументационную схему в защиту экзистенциализма:

1. Изложение основных аргументов критиков экзистенциализма.

2. Последовательная критика этих аргументов, демонстрация несостоятельности каждого из них.

Важнейшим обвинением, выдвинутым против экзистенциализма, является, с точки зрения Сартра, обвинение в квиетизме (лат. quietus – спокойный, бездействующий). Как известно,

квиетизм – это религиозно-этическое учение, возникшее в конце XVII века в католицизме. Основные идеи квиетизма связаны с пассивным, созерцательным отношением к жизни, с отказом от активной деятельности, безразличием к добру и злу. Квиетизм неотделим от фатализма. Он проповедует примирение со всеми страданиями, подчинение «божественной воле» и так далее [2]. Сартр не может согласиться с такой трактовкой экзистенциализма. Он говорит о том, что бездеятельность и отчаяние не являются характеристиками экзистенциализма. Он утверждает, что, наоборот, в соответствии с установками экзистенциализма человек свободно выбирает свою форму деятельности.

Следующее обвинение связано с утверждением, что экзистенциализм, подчеркивая негативные стороны человеческой сущности, отказывается от анализа «светлой стороны человеческой природы», рассматривает человека только как изолированное существо, субъективно и так далее. Это обвинение Сартр тоже не принимает. Отрицая его, Сартр как раз и обращается к гуманизму, последовательно разъясняя тот смысл, который он вкладывает в утверждение о единстве экзистенциализма и гуманизма.

Для него гуманизм неотделим от экзистенциализма потому, что «под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность» [3]. В свою очередь, одна из первых ассоциаций, связанных с гуманизмом в XX веке, – это ассоциация, в соответствии с которой понятие «гуманизм» относится к челове-

ческим интересам, связан с мировоззрением, в центре которого находится идея человека как высшей ценности по отношению к самому человеку.

Для Сартра экзистенциализм – «это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность и предназначенное прежде всего для специалистов и философов» [3]. Это – то учение, которое, как и гуманизм, ориентировано на человека в совокупности всех его сторон и характеристик.

Сартр, как известно, выделяет *две разновидности экзистенциализма. Первый он называет христианским экзистенциализмом*, в качестве его представителей он называет К. Ясперса и Г.Марселя. *Второй экзистенциализм он определяет как атеистический*, относя к нему М. Хайдеггера, французских экзистенциалистов, включая самого себя. Общность этих направлений он видит в том, что философы обоих направлений отталкиваются от субъекта. Их волнует общая проблема выяснения отношений между сущностью и существованием.

Сартр исходит из того, что «существование предшествует сущности». С его точки зрения, *человека трудно сразу определить*, ибо вначале он ничего из себя не представляет. Человек становится человеком лишь потом, тогда, когда он сам себя делает. В этом Сартр и видит важнейший, даже первый принцип экзистенциализма, который он связывает с субъективностью. Очевидно, что эти идеи Сартра перекликаются с одной из ассоциаций, указанной выше, с гуманизмом. Для него *«человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно (выделено мною. – С.И.)*, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет

ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает» [3]. *Экзистенциализм, с точки зрения Сартра, – это такое философское учение, которое утверждает, что человек ответственен за то, что он есть.*

Такая ответственность человека за самого себя определяется, с точки зрения Сартра, тем, что «человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает...» [3]. По Сартру, человек ответственен не только за свои рациональные поступки, но и за свои страсти. Очевидно, что такая характеристика человека, философская позиция экзистенциализма несовместима с квиетизмом. Ведь последний снимает ответственность с человека, обрекает человека на бездействие. Сартр же утверждает прямо противоположное квиетизму. Он утверждает, что реальность проявляется в действии, в действительности, «*что человек есть не что иное, как его проект самого себя (выделено мною. – С.И.)*. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь» [3].

Так последовательно Сартр выстраивает свою аргументацию, доказывая, что, в отличие от квиетизма, экзистенциализм – это оптимистическое учение, в котором человек ответственен за свою судьбу, за проект своей жизни и за его реализацию. В соответствии с экзистенциализмом Сартра, «человек находится в организованной ситуации» и что бы он ни делал, он несет полную ответственность за принятое решение [3]. Более того,

Сартр считает, что человека надо определять лишь в соответствии с его решением занять определенную позицию, в соответствии с его деятельностью, направленной на реализацию каких-то целей.

Сартра упрекали за саму постановку вопроса, «является ли экзистенциализм гуманизмом» [3]. В связи с этим он рассматривает *два разных смысла слова «гуманизм»*.

В первом из выделенных им смыслов человек понимается как цель и как высшая ценность. При таком подходе, по Сартру, формируется культ человечества, которому «можно поклоняться на манер Огюста Конта». С точки зрения Сартра, такой гуманизм абсурден, поэтому от него надо отказаться.

Сартр предлагает понимать *гуманизм в другом смысле.* Его проект гуманизма включает в себя представление о деятельном характере человека, для которого «нет другого законодателя, кроме него самого». По Сартру, человек сам «в ситуации заброшенности» решает свою судьбу, обращаясь к поиску целей, находящихся вне его. Согласно экзистенциализму Сартра, освобождение человека происходит через его конкретное самоосуществление, ориентированное на деятельность и свободу, на ответственность за самого себя в организации с другими.

Мне представляется особенно важным в рассуждениях Сартра о гуманизме тот факт, что он предлагает фактически определенную систему организационных правил, которые должны определять *личное поведение, конкретную деятельность человека и его ответственность за результаты этой деятельности.* Именно эти правила, так описанная деятельность соответствуют проекту гуманизма, по Сартру. В то же время, на мой взгляд, сартровское

понимание гуманизма в его деятельной части *вполне соответствует исходному, базовому представлению о гуманизме.*

Как же на рассуждения Сартра по проблемам гуманизма реагирует Хайдеггер?

Хайдеггер в «Письме о гуманизме» непосредственно реагирует на идею Сартра, связывающего экзистенциализм и гуманизм с деятельностью. Эта реакция очевидна не только с точки зрения того, что Хайдеггер все-таки отвечает на конкретные вопросы, определяющие позицию Сартра. Его прямой отклик на размышления Сартра просто реконструируется при сравнительном анализе обоих текстов, даже в том случае, если Хайдеггер об этом прямо и не говорит. Обоснование этой точки зрения будет предложено далее. *Насколько мне известно, такой последовательный, сопоставительный анализ, по крайней мере, в отечественной философской мысли, ранее никогда не предпринимался.*

В самых первых строчках своего письма *Хайдеггер, не называя Сартра, фактически отвергает сартровское понимание деятельности.* Сартр, утверждая деятельностный подход к человеку, иллюстрирует свою теоретическую позицию на примерах конкретных ситуаций, в рамках которых человек вынужден принимать самостоятельные решения. Это – внешне простые быденные ситуации: рабочий, решающий вступить в христианский профсоюз, человек, принимающий решение жениться, юноша, раздумывающий о том, идти ли ему в армию, и так далее. Но это как раз те самые ситуации, где человек, принимая решения, проектирует самого себя и берет ответственность за принятые решения.

Хайдеггер занимает совершенно иную позицию. С самого начала своего письма он задает очень высокий

уровень абстракций и идеализаций. Он пишет, что «мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия (выделено мною. – С.И.). Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* – про-из-вести» [4].

В отличие от Сартра, Хайдеггер считает, что осуществимо лишь то, что уже есть. «Но что прежде всего “есть”, так это бытие» [4]. При помощи мысли же человек «относит к бытию то, что дано ей самим бытием». Хайдеггер подчеркивает, что «мысль не создает и не разрабатывает это отношение», она просто «дает бытию слово». Именно в связи с этими рассуждениями Хайдеггер и формулирует свою знаменитую фразу, которая часто цитируется в различных текстах по самым разным проблемам, в первую очередь, по проблемам философии языка. Хайдеггер пишет, что «язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек (выделено мною. – С.И.). Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [4].

Для Хайдеггера действие неотделимо от мысли. Мысль действует, она становится действием в силу того, «что она прилагается к жизни», сама оставаясь загадкой, будучи «мышлением бытия». Такая позиция очень отличается от утверждения Сартра: «Сначала я должен решить, а потом действовать» [3]. Для Сартра мысль – необходимый элемент поступка (думаю, можно сказать, что его позиция близка к

знаменитому тезису М.М. Бахтина «мысль как поступок»), в то же время она управляет действием/поступком, не всегда сводясь только к нему.

Хайдеггер развивает другую позицию. Для него «деятельность, пожалуй, самое простое и вместе высшее, потому что она касается отношения бытия к человеку. Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее» [4]. Мысль же, с его точки зрения, лишь позволяет бытию «захватить себя». По Хайдеггеру, в мысли скаывается истина бытия. Тогда как для Сартра, как уже отмечалось выше, «всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность» [3]. Для него истина оказывается зависимой от решения, принимаемого человеком, она связана с деятельностью человека.

Свою позицию Хайдеггер разъясняет на французском языке для своего французского адресата. Это становится для него внешним поводом обсуждения структурных и выразительных возможностей языка как такового. Хайдеггер стремится провести ту точку зрения, в соответствии с которой «мысль есть захваченность Бытием для Бытия», «мысль есть захваченность бытия» [4]. Столь высокую степень сложности формулировки данной мысли он связывает, в частности, с тем, что выразительные возможности языка (французского, немецкого) кажутся ему недостаточными для представления столь сложных мыслей о бытии.

Такой поворот обсуждения проблемы позволяет Хайдеггеру продолжить обсуждения проблем языка, его выразительных возможностей. Выразительные возможности современного языка он характеризует как очень бедные. Такое положение дел, сло-

жившееся в языке, он связывает с тем, что еще «в очень ранние века» западно-европейские «логика» и «грамматика» ввели в язык из метафизики такие малоуместные, с точки зрения Хайдеггера, рубрики, как «субъект» и «объект». Хайдеггер считает, что язык необходимо «высвободить» из-под грамматики, перепоручив его мысли и поэзии. Мысль для него не просто вовлечена в действие. Она вовлечена в «истину бытия и для нее». Хайдеггер ставит задачу «научиться чистому осмыслению, а значит вместе и осуществлению вышеназванного существа мысли». Поэтому он считает, что необходимо избавиться от технического истолкования мысли, которое берет свое начало в глубине веков, начиная с Платона и Аристотеля [4].

Техническое, как утверждает Хайдеггер, истолкование мысли уже в Античности ставит мысль, мышление и процесс познания «на службу действия и делания». Хайдеггер считает ошибочной позицию и Платона, и Аристотеля, которые рассматривали *мысль в контексте праксиса*. Такая установка, с его точки зрения, приводила к тому, что и познание стало рассматриваться в контексте праксиса. Для Хайдеггера «бытие как стихия мысли» оказывается жертвой такой технической интерпретации мышления.

Рассмотрев в качестве исходного пункта своего текста важнейшую позицию во взглядах Сартра, его отношение к проблемам деятельности, Хайдеггер вдруг непосредственно обращается к своему адресату и переходит к рассмотрению одного из заданных ему вопросов, а именно: «Каким образом можно возратить какой-то смысл слову «гуманизм»?» [4].

Хайдеггер анализирует содержание этого вопроса и совершенно спра-

ведливо замечает, что данный вопрос исходит из намерения сохранить слово «гуманизм». Сам же Хайдеггер в этой части письма не уверен, что это следует делать. Более того, он формулирует дополнительный вопрос: «Или недостаточно еще очевидна беда, творимая всеми обозначениями такого рода?» [4]. Наличие в языке понятий, подобных понятию «гуманизм», он связывает с существованием «рынка общественного мнения», который предъявляет свои требования к появлению все новых и новых «измов».

В своем ответе на вопрос о том, как можно вернуть какой-то смысл слову «гуманизм», Хайдеггер, на мой взгляд, фактически критикует базовое представление о гуманизме как о некоторой системе воспитания и образования, как о деле школы и культуры. Он утверждает, что человек, стремящийся к бытию, «должен сперва научиться существовать на безымянном просторе. Он должен одинаково ясно увидеть и соблазн публичности, и немощь приватности» [4]. Но даже сам Хайдеггер не может существовать «на безымянном просторе», без обращения к истории проблемы и «техническим» возможностям языка и мышления.

Он пишет о том, что первый гуманизм формируется в Риме. «Отчетливо и под своим именем *humanitas* впервые была продумана и поставлена как цель в эпоху римской республики. «Человечный человек», *homo humanus*, противопоставляет себя «варварскому человеку», *homo barbarus*. *Homo humanus* тут — римлянин, совершенствующий и облагораживающий римскую «добродетель», *virtus*, путем «усвоения» перенятой от греков «пайдейи» [4]. Эта часть размышлений Хайдеггера мне представляется особенно важной. Он один из немногих,

если не единственный, который очень четко проводит связь между пайдейей и гуманизмом. На мой взгляд, эта базовая характеристика гуманизма как пайдейи, то есть учения, связанного именно с образованием и воспитанием, в последующие времена очень часто забывалась.

Хайдеггер показывает, что в Риме «пайдейя» и переводится как «гуманизм». Он пишет, что «пайдейя» «охватывала “круг знания”, *eruditio*, и “наставление в добрых искусствах”, *institutio in bonas artes*», что «так понятая “пайдейя” переводится через *humanitas* (выделено мною. – С.И.). Собственно “римскость”, *romanitas* “человека-римлянина”, *homo romanus*, состоит в такой *humanitas*» [4].

Хайдеггер считает, и в этом с ним трудно не согласиться, что Ренессанс XIV и XV веков в Италии возрождает «*humanitas*» именно как греческую «пайдейю». При этом он отмечает, что впоследствии возникает множество других смыслов понятия «гуманизм». Предлагаемый Сартром смысл понятия «гуманизм» так же, как и гуманизм Маркса или христианства, он расценивает как такой, который не нуждается ни в каком возвращении к гуманизму Античности.

Хайдеггера не устраивает первый, или, как он его называет, латинский гуманизм, как, впрочем, и все другие виды гуманизма, включая современный, потому что все они исходят из максимально обобщенной метафизической сущности человека. Он утверждает, что «метафизика мыслит человека как *animalitas* и не домысливает до его *humanitas*». С его точки зрения, «метафизика отгораживается от того простого и существенного обстоятельства, что человек принадлежит своему существу лишь постольку, по-

скольку слышит требование Бытия» [4]. В этом, в частности, он видит один из недостатков сартровского представления о гуманизме.

Проведя круговорот размышлений о языке, человеке и бытии, Хайдеггер вновь обращается к вопросу своего адресата о способе возвращения смысла слову «гуманизм»: «Ваш вопрос не только предполагает, что Вы хотите сохранить слово “гуманизм”, но содержит также и признание, что это слово потеряло свой смысл» [4]. Но такое возвращение к вопросу о гуманизме ему необходимо только для того, чтобы еще раз объяснить причины того, почему слово «гуманизм» потеряло свой смысл.

Хайдеггер пишет о необходимости возвращения слову «гуманизм» его древнего «бытийно-исторического смысла». Для него вернуть смысл означает «определить смысл слова заново». В свою очередь, это требует: осмыслить изначальное существо человека, «показать, насколько это существо по-своему событийно». В таком случае, с точки зрения Хайдеггера, слово «гуманизм» вернется. Но это «будет означать тогда, если мы решимся сохранить это слово, только одно: существо человека существенно для истины бытия» [4].

В связи с этим возникает вопрос о том, стоит ли слово с новым смыслом по-прежнему называть «гуманизмом»? Это – вопрос Хайдеггера. Однозначного ответа на этот вопрос он сам не дает.

Это порождает новый вопрос для современного человека, обращенного к гуманизму во множестве его смыслов и идей, начиная с Античности. Как мы в современности, сегодня, можем оценить хайдеггеровский «новый гуманизм»? А еще точнее этот вопрос можно сформулировать в той форме, в которой его формулирует Н.В. Мот-

рошилова. «Есть ли в хайдеггеровской, по преимуществу “отрицающей” версии нового гуманизма нечто позитивное, в чем современный человек может найти опору?» [1].

Мне кажется, что ответ Н.В. Мотрошиловой позволяет вскрыть глубинные основы хайдеггеровской критики гуманизма, представленной в его «Письме о гуманизме». Хайдеггер предлагает не «приходить в ужас», не пугаться предлагаемой им критики гуманизма. Несмотря на необходимость развития темы бытия, хайдеггеровские призывы к новому гуманизму остаются непроясненными. Как справедливо замечает Н.В. Мотрошилова, «их непроясненность становится существенным недостатком, едва мы вступаем в сферу реальной человеческой жизни, общения людей, в сферу борьбы самых различных сил и тенденций общественной жизни» [1].

Не менее актуальна и критика хайдеггеровской позиции, сформулированная в виде вопроса К. Ясперсом. В одной из своих заметок к текстам Хайдеггера Ясперс пишет: «Если путь ведет не к разуму, коммуникации, свободе в сообществе – то не ведет ли он к противоположному: к изоляции, исключительности, к претензии на феодальность, к разрушительному – а значит, и к варварству?» [цит. по 1]. Мне кажется, что эти вопросы очень часто забываются, когда пишут о глубинах, о непостижимости философии Хайдеггера. Читатели, включая профессиональных философов, увлекаясь полемическим запалом хайдеггеровских текстов, их глубиной, не замечают, что непроясненность мысли порой связана с невозможностью (по каким-то, по самым различным основаниям) для автора выразить свою мысль последовательно и «технически» (в смысле логи-

ческой выразительности) определено. Мне кажется, что очень четко и последовательно эту мысль по отношению к Хайдеггеру выразил Ясперс: «Хайдеггер мыслит полемически, но не в форме дискуссии, он закликает, а не обосновывает – изрекает, а не осуществляет операции мысли» [1].

Подводя итоги рассмотрения дискуссии о гуманизме между Ж.П. Сартром и М. Хайдеггером, хотела бы отметить следующее. Эта дискуссия вовсе не закрывает обсуждение проблем гуманизма в современности. Наоборот, она является еще одним стимулом рассмотрения комплекса проблем гуманизма. Другое дело, что это обсуждение должно учитывать позиции по проблемам гуманизма двух крупнейших философов XX века: Ж.П. Сартра и М. Хайдеггера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мотрошилова Н.В.* Работы разных лет. Избранные статьи и эссе. – М., 2005. – С. 425–500, 498, 499, 500.
2. *Рамм Б.* Квиетизм // *Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2.* – М., 1962. – С. 487.
3. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов.* – М., 1989. – С. 319–344.
4. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М. Время и бытие.* – М., 1993. – С. 192–220.
5. *Хайдеггер М.* Положение об обосновании. – СПб., 1999. ■